

**ОЛЬГА
ДАШКОВА**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

БОЛЬШАЯ
Илюшка
ГЕНЕРАЛА
для

Ольга Дашкова

Большая Ягодка для Генерала

«Автор»

2026

Дашкова О. В.

Большая Ягодка для Генерала / О. В. Дашкова — «Автор», 2026

Тридцать лет на границе. Ни одного прорыва. Комарово должно было стать заслуженным покоем. Тишина, порядок, никаких людей. Особенно никаких женщин. План рухнул в шесть утра первого же дня. Вместе с забором. Теперь у меня за забором живет противник. Она смеется там, где должна отступать. Стоит там, где должна уходить. И смотрит так, что хочется проверить, не мина ли это. Мина. Я это уже понял. Поздно. После развода я твердо усвоила одно правило: не открывать двери тем, кому удобно приходить, но неудобно оставаться. Сосед с молотком в шесть утра – это, конечно, не дверь. Это война через забор. С претензиями к моим гусям, к моему существованию на собственной территории. Я не боюсь войны. Я в ней выросла – моя война называлась замужеством. Но этот другой. Смотрит тяжело, говорит мало, делает вид, что ему все равно. Два битых жизнью человека. Шесть гусей, дырявый забор. И лето, которое не спрашивает разрешения. Роман из серии "А я люблю военных" книга 3 (все можно читать отдельно)

© Дашкова О. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1 Буров	6
Глава 2 Рая	9
Глава 3 Буров	12
Глава 4 Рая	15
Глава 5 Буров	18
Глава 6 Рая	22
Глава 7 Буров	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ольга Дашкова
Большая Ягодка для Генерала

Глава

Глава 1 Буров

Встал в пять тридцать. Разумеется.

Три подхода по сорок отжиманий. Сто приседаний. Пресс. Растяжка. Тело – это подчиненный. Чуть дашь слабинку, сядет на шею и будет ехать.

Тридцать лет в погранвойсках меня этому научили. Здесь, в тихой деревне Комарово, куда меня занесло после развода, пенсии и решения «пожить, наконец, спокойно», никто не орал «Подъем!».

Значит, орал я сам. Внутри. Все шло по плану.

В шесть ноль-ноль я стоял посреди двора, вытирал пот и проводил плановый осмотр территории. Небо – чистое. Трава – скошена. Дорожка к калитке – ровная. Забор по периметру – беленый, прямой, как устав, и...

Непорядок.

Из дыры в заборе слева, у старой березы, на мой участок важно вышел гусь. Белый. Оранжевоклювый. С таким видом, словно он здесь прописан, стоит в очереди на улучшение жилищных условий и вообще хотел бы поговорить о капитальном ремонте. За ним вышел второй. Третий. Четвертый. Пятый. Шестой.

Шесть штук. Строем. Без команды «вольно».

– Это что за самостоятельность... – пробормотал я и почесал затылок.

Гуси проследовали через мой двор с достоинством победившей армии, не торопясь, не оглядываясь, покачивая белыми задницами в такт каким-то своим, очевидно, очень важным гусиным мыслям. И скрылись в противоположной дыре забора в сторону пруда.

Я смотрел им вслед.

Значит, это был регулярный маршрут. Значит, не первый день. Значит, пока я тут планировал «покой и тишину», у меня на участке функционировал несанкционированный гусиный транзитный коридор.

Без моего ведома. Без согласования. Без единого рапорта.

Вернулся в дом, налил воды, выпил, стоя у окна и рассматривая дыру в заборе. Дыра смотрела в ответ с наглостью опытного нарушителя. Таких я навиделся, за тридцать лет службы через мою границу пытались пройти всякие. Но чтобы гуси – это было что-то новое.

Допил воду, убрал стакан, надел старую форменную рубашку. В сарае нашел доски, молоток и гвозди, все еще годное, в отличие от кое-кого из бывших сослуживцев. Через восемь минут я уже стоял у забора и методично забивал первую доску. Каждый удар был четкий, выверенный. Непорядок будет ликвидирован.

– Эй! Вы там что творите?

Звонкий голос ударил неожиданно, он был с напором и легкой насмешкой в конце, как предупредительный выстрел, но без намерения промахнуться.

Я повернулся.

Облокотившись на доски так, будто это ее любимый подоконник, за забором стояла женщина. Возраст, наверное, около сорока, плюс-минус, классификация «гражданский персонал в расцвете лет и сил».

Пышная – это было мягко сказано, но не полная, имелась талия. Но сарафан в красный горошек обтягивал формы с таким упорством, что я мысленно представил, как он может треснуть по швам, и все ее «добро» покажется на белый свет.

Распущенные черные как смола волосы. Взгляд зеленых глаз насмешливый и совершенно не испуганный, что было уже сигналом тревоги.

– Забор ремонтирую, – ответил и вернулся к гвоздю.

– Мой забор? Он вас просил?

– Это дыры в нем – ваши, а забор мой. Гуси, которые через них ходят на мою территорию, мне подсказывает логика, что ваши, да?

Она наклонила голову, в глазах явно происходило что-то веселое.

– Иван Миронович Буров, – сказал я, поскольку ситуация требовала официального представления. – Генерал в отставке, и прошу учесть, что я не люблю нарушения режима и территориальной неприкосновенности.

– Генерал? О как. На пенсии, значит?

– В отставке.

– Ну-ну.

– Прошу не путать.

– Ра-и-са, – произнесла она, явно получая удовольствие от каждого слога. – Захаровна. И я тоже кое-чего не люблю: когда незнакомый мужчина в шесть утра молотком лупит по моему имуществу, не спросив разрешения.

– Ваше имущество систематически нарушает государственную, – я кивнул на забор, – то есть мою границу.

– Гусям нет дела до границ. Они – птицы свободные.

– Свободные птицы летают в небе. Эти ходят по моей земле и считают ее проходным двором.

– Ну так накажите их, – она пожала плечом и улыбнулась совершенно безмятежно. – Вы же военный. Должны уметь работать с нарушителями.

Я посмотрел на женщину. Женщина смотрела на меня. В воздухе между нами повисло то, что в тактических сводках называется «патовая ситуация», а в мирной жизни – начало войны.

– Гражданочка, – сказал тоном, которым когда-то строил роту, – предлагаю цивилизованный порядок действий. Я закрываю дыры. Вы фиксируете поголовье. Все расходится при своих интересах.

– Не пойдет, – она покачала пальцем. – Во-первых, прекратите называть меня гражданочкой – я вам не протокол. Во-вторых, вы чините мой забор без согласования. В-третьих, гуси ходят к пруду – это их законный маршрут, они там купаются.

– У них есть свое корыто.

– Они предпочитают пруд. У гусей тоже бывают предпочтения, пенсионер.

Пенсионер?

Медленно опустил молоток, соседка не отвела взгляд ни на миллиметр, ни на полмиллиметра. Стояла и смотрела с легким прищуром человека, который точно знает, куда попал.

За тридцать лет службы на меня так смотрели ровно два раза: командующий округом и один очень спокойный контрабандист, перед тем как оказалось, что у него в кармане еще один козырь.

Оба раза я проигрывал раунд.

– Значит, договариваться не намерены, – констатировал.

– Отчего же? Намерена. Только на равных, а не в режиме «смирно», – она снова улыбнулась – не уступчиво, не кокетливо, а именно так, будто уже знала счет в этой игре, и он был не в мою пользу. – Вот когда придете ко мне с нормальным разговором, тогда и поговорим. Чай поставлю, у меня варенье из черной смородины, домашнее.

– Я не хожу в гости к соседям.

– Значит, будем разговаривать через забор, – она развела руками. – Ваш выбор, товарищ пенсионер. Тогда стучите потише, у меня гуси с нестабильной нервной системой.

– У ваших гусей нервная система?

– У всех живых существ нервная система. Или вас этому не учили?

Она произнесла это без злости, спокойно, почти дружелюбно, как объясняют вещи совершенно очевидные. Именно это и было невыносимо. К злости у меня есть протокол. К насмешке – тоже.

Но вот к этому спокойному, чуть снисходительному тону, с которым она стояла и смотрела на меня, как на явление природы занятное, но не опасное, протокола не было.

– Если у них нервная система, пусть нервничают на своей территории.

– Буду иметь в виду, – она кивнула с серьезным видом, который был явно ненастоящим.

– Обязательно им передам, как они вернутся с пруда. Ах, да, они не вернутся, проход закрыт.

Она плавно отошла от забора, без спешки, покачивая бедрами с той естественной уверенностью, которую нельзя ни симитировать, ни приказать. Сарафан колыхнулся, черные волосы поймали утренний свет.

Я поймал себя на том, что смотрю. Прекратил. Посмотрел на молоток. Молоток молчал – и правильно делал.

В кармане у нее была победа. Я это чувствовал, как чувствуешь чужую засаду, когда уже вошел, и отступать некуда, и остается только двигаться вперед. А самое скверное было то, что она сама об этом, кажется, прекрасно знала. И не торопилась. Зачем торопиться, когда противник уже на твоей позиции и делает вид, что просто ремонтирует забор?

Посмотрел на дыру, потом на пруд, на шесть белых пятен, спокойно плавающих в тридцати метрах от меня. Гуси купались. Один нырнул, встряхнулся, посмотрел в мою сторону с таким видом, что я едва не скомандовал «разойдись».

Тридцать лет на границе. Ни одного серьезного прорыва. Ни одного нарушителя, которого бы не взяли. Ни одного участка, который не удалось удержать.

И вот – деревня Комарово. Шесть гусей и соседка с зелеными глазами, вареньем из черной смородины, которая смотрит на боевого офицера как на забавный экспонат провинциального музея.

Пенсионер, серьезно?

Поднял молоток и добил гвоздь. Дыра в заборе была закрыта. Маршрут перекрыт. Задача выполнена. Пусть эти наглые пернатые по воздуху возвращаются к своей дерзкой хозяйке.

Глава 2 Рая

Кашу гусям я варю в старой эмалированной кастрюле, которую мама привезла еще в девяносто втором и которая пережила два переезда, один развод и бесчисленное количество семейных ужинов.

Кастрюля была крепче большинства людей из моего прошлого. Я ее уважала. Пшено булькало, гуси топтались у крыльца и негромко, деловито, как мужики на планерке перед выходом в поле, переговаривались между собой.

Они у меня не дураки, они нашли дорогу домой, они знали все дыры в заборе. Я помещивала кашу и думала о том, что утро все-таки удалось. Несмотря ни на что. Или благодаря. Хорошее вышло утро.

Калитка скрипнула ровно так, как скрипит только в одном случае.

– Раечка! Ты дома?

Баба Клава входила на участок с видом человека, у которого новостей столько, что они уже не помещаются и слегка выпирают наружу. Семьдесят четыре года, платок в мелкий цветок, авоська с тремя огурцами, чисто для вида, и глаза, в которых горело что-то сенсационное.

– Дома, на летней кухне, баб Клав. Заходите.

– Да я на минуточку, – сказала женщина, устраиваясь на лавочке у крыльца с видом человека, который пришел на весь день.

Я помешала кашу.

– Ты знаешь, – начала баба Клава задумчиво, глядя в небо, – я давеча мимо Чугуновского дома шла.

– Угу.

– Ну того, который Чугуновы продали. После того, как Варвара Семеновна-то... Царство ей небесное, хорошая была женщина, хоть и крапиву на меже не убирала никогда, но это уже не нам судить. Так вот, дом-то они продали. Дети-то у нее, у Варвары Семеновны, все в городе давно. Зятек старший в Твери, дочка средняя – вообще, говорят, в Краснодаре. Ну и решили: зачем им дом, только налог плати. Продали.

– Продали, – согласилась.

– Прошлой осенью еще. Или зимой. Нет, осенью. Точно осенью, потому что я еще кабачки закрывала и слышала, как машина останавливалась.

Гуси закончили совещание и выстроились у кастрюли в очередь. Самый крупный – Антон, я всем дала имена, это упрощает коммуникацию, занял место первым, как обычно.

– И купил, говорят, – баба Клава чуть понизила голос, хотя вокруг не было ни души, – военный.

– Да что вы говорите?

– Вот именно. Военный. Большой чин. Говорят, генерал.

Я сняла кастрюлю с огня.

– Ничего себе. И каких это таких войск генерал?

– Этого не говорили.

Баба Клава замолчала, но пауза была многозначительная.

– Раечка, – произнесла женщина с расстановкой, – ты уже познакомилась? Уже успела?

– Успела. Утром. Он забор чинил.

– Какой забор? – баба Клава моргнула.

– Мой. Без спроса. Чтоб гуси не ходили.

Баба Клава посмотрела на гусей. Гуси делали вид, что ждут кашу и ни в чем не виноваты.

– И как он?

Поставила кастрюлю на крыльцо, вытерла руки о полотенце и пошла в дом ставить кофе. Баба Клава, разумеется, двинулась следом с проворством человека, которому вдруг срочно захотелось в помещение.

– Жесткий, – сказала, насыпая молотый кофе в турку. – Говорит «гражданочка». Смотрит как на нарушителя государственной границы. Молотком стучал в шесть утра.

– Ой, – баба Клава прижала руки к груди. – Страшный?

Я подумала.

– Нет.

Это было честно. Иван Миронович Буров страшным не был. Он был таким, что хотелось посмотреть еще раз, чтоб убедиться. Высокий, плечистый, в выцветшей форменной рубашке, со шрамом через ключицу, я заметила, когда он повернулся. Волосы темные, с сединой, между бровей залегла морщина, как у человека, который много думал о неприятном. Взгляд тяжелый, прямой, привыкший к тому, что от него не уходят.

Я уходила. Это было приятно.

– Не страшный, – повторила, зажгла конфорку.

Баба Клава уселась за стол с видом человека, который получил важные данные и намерен их обработать.

– Говорят, холостой.

– Да и пусть.

– Разведенный. Детей нет. Или есть, но не при нем. Никитич говорит, что один живет, это точно. Пенсия хорошая, военная. И дом купил за наличные, это Сережа из администрации сказал, у него жена племянница Чугуновской снохи...

Кофе начал подниматься. Я сняла турку вовремя, это тоже своего рода дисциплина.

– Баб Клав, – сказала, разливая по чашкам, – вы хотите сказать мне что-то конкретное?

Баба Клава взяла чашку, отпила. И посмотрела на меня с той деревенской прямоотой, которую в городе давно разучились себе позволять.

– Хочу сказать, что мужик, судя по всему, правильный. Одинокий. И через забор от тебя живет.

Я посмотрела в окно. Иван Миронович как раз появился на своем участке. Деловито шел вдоль пустых грядок, с руками за спиной, как на плацу. Остановился, присел, потрогал землю, покачал головой. Видимо, земля тоже получила замечание.

– Во, смотри, – баба Клава придвинулась к окну. – Хозяйственный.

– Это он ищет, что еще не так.

– Ну и пусть ищет. Мужик при деле – это хорошо, – она помолчала. – А ты, Раечка, сколько уже одна?

– Шесть лет.

– Шесть лет, – повторила она с интонацией врача, которому озвучили неприятный симптом. – И что Гришка Соломин? Все ходит?

Вот это я не хотела обсуждать. Но баба Клава умела задавать вопросы в тот момент, когда уклониться было физически неудобно: рот занят кофе, а руки чашкой.

– Ходит, – сказала.

– С цветами?

– Иногда.

– А жена у него?

– Есть.

– Ну и что это такое, Раечка? Что это вообще такое?

Что это такое, я и сама знала. Гришка Соломин держал ферму в соседнем Лыкове, был мужчиной видным, добродушным, с руками золотыми и с совестью, которая его, судя по всему, не особо беспокоила. Приезжал с клубникой. Говорил: «Рая, ты же знаешь, как я к тебе». Я

знала. И именно поэтому клубнику брала, а дверь не открывала. Шесть лет назад я уже открыла одну дверь человеку, который говорил «ты же знаешь», и потом долго закрывала за ним же, пока он выносил вещи.

Больше – не мое.

– Гриша женат, – сказала просто. – Значит, не мой вариант.

– Вот именно, – баба Клава кивнула так, будто я сама только что привела главный аргумент в пользу соседа. – А этот, – она кивнула в окно, – свободный.

– Баб Клав. Замуж я больше не собираюсь. Сходила – хватило.

Баба Клава помолчала. Отпила кофе. Посмотрела в окно на Ивана Мироновича, который теперь стоял у забора и с видом стратега изучал горизонт.

– Зря, – сказала она коротко.

Я тоже смотрела в окно.

Шесть лет назад муж сказал, что ему «тесно». Я тогда не поняла, как может быть тесно в доме, где всегда было место? Потом поняла: он имел в виду не дом. Он имел в виду меня.

Мою жизнь, моих гусей, мою кашу в эмалированной кастрюле, мой смех в шесть утра. Ему было тесно рядом с живым человеком. Он ушел к женщине, которая, судя по фотографии в соцсетях, никогда особо громко не смеялась.

Ну и пусть.

Я смеялась, варила кашу гусям, держала дом, растила смородину. И не пускала к себе тех, кому было удобно приходить, но неудобно оставаться.

За окном Иван Миронович нашел что-то в земле, вытащил, осмотрел, выбросил. Выпрямился, огляделся. И вдруг коротко, почти незаметно, посмотрел в сторону моего дома.

Я не отодвинулась от окна. Буров сделал вид, что смотрел на березу. Береза была в другой стороне, вот же незадача.

– Баб Клав, – сказала, не отрываясь от окна, – допивайте кофе. Я вам огурцов с грядки дам.

– Огурцов – это хорошо, – согласилась баба Клава. – Только ты подумай, Раечка. Просто подумай.

Я думала. Правда, совсем не о том, о чем она просила. Я думала о том, что человек, который смотрит на твой дом и делает вид, что смотрит на березу, это уже не просто сосед с молотком.

Это уже немного интереснее.

Глава 3 Буров

Дыра появилась ночью.

Не сама по себе, разумеется. Доски не расходятся самостоятельно, для этого нужна либо физическая сила, либо целенаправленное нежелание, чтобы они держались. Судя по аккуратности, с которой была отжата крайняя планка, здесь имело место второе.

Я стоял у забора в пять пятьдесят утра с кружкой кофе и смотрел на результат чьей-то ночной диверсии. На пруду уже плескались шесть белых силуэтов. Они успели. Пока я спал, они провели операцию, просочились через периметр и захватили водоем.

Без шума. Без потерь. Я отпил кофе. Надо было признать: с тактической точки зрения – грамотно.

Телефон завибрировал в кармане. Я посмотрел на экран: «Димка». Сын. Капитан Буров Дмитрий Иванович, двадцать восемь лет, служит на Дальнем Востоке, позвонить может в любое время суток и считает, что это нормально, потому что «ты же все равно не спишь, пап».

– Слушаю.

– Батя, привет. Как деревня?

– Нормально.

– Освоился?

– Осваиваюсь.

– Это значит «нет», – Димка хмыкнул. Голос у него был мой, низкий, но смеялся он всегда легче, чем я. Это от матери. – Что случилось?

Я посмотрел на пруд.

– Гуси.

– Что?

– Гуси, Дмитрий. Птицы такие. Белые, с оранжевыми клювами, передвигаются строем и не реагируют на команды.

Пауза.

– Пап, ты в порядке?

– В полном. Соседские гуси ходят через мой участок к пруду. Я заколотил дыру в заборе. За ночь дыра появилась снова.

– Сами заколотили?

– Я заколотил. Они – разобрали.

– Кто «они»?

– Гуси. Или соседка. Предполагаю – соседка, гусям не хватило бы силы для крайней доски.

Димка засмеялся. Засмеялся нехорошо, с той интонацией, которая означала, что сейчас скажет что-то, от чего я пожалею, что он позвонил.

– Подожди. У тебя есть соседка?

– Есть. Раиса Захаровна. Как в кино, помнишь?

– Молодая?

– Не старая.

– Красивая?

Я помолчал секунду, всего одну. Но Димка эту секунду поймал, он был хорошим офицером, реакция отличная.

– Красивая, – сказал он утвердительно, без вопроса. – Значит, она разобрала забор.

– Я не утверждаю. Я предполагаю.

– И что ты с этим делаешь?

– Стою. Смотрю. Думаю о мерах.

– Батя, – Димка снова засмеялся, – это называется не «меры». Это называется – судьба.

– Отставить, капитан.

– Нет, серьезно. Ты всю жизнь прослужил. Уехал в деревню один. И в первый же день появляется соседка с гусями, которая, судя по всему, тебя не боится. Это, батя, судьба.

– Это нарушение границы.

– Пап. Тебе шестьдесят лет.

– Пятьдесят три.

– Тебе нужен деревенский роман.

Я посмотрел на кружку. Кофе остывал. Если бы кофе мог сочувствовать, он бы сочувствовал.

– Дмитрий Иванович, – сказал тоном, который тридцать лет работал безотказно, – доложи обстановку по службе.

– Обстановка нормальная. Сходи к соседке в гости на чай.

– Ты звонил по делу?

– По делу. Хотел узнать, как ты. Теперь знаю – влюбился в соседку и делаешь вид, что это пограничный конфликт.

– Я не влюбился.

– Конечно-конечно.

– Капитан Буров.

– Есть, товарищ генерал. Разрешите вопрос?

– Разрешаю.

– Она хоть симпатичная?

Я убрал телефон. Не попрощавшись. Это было невежливо, но зато честно.

Допил кофе, вернулся в дом, поставил кружку. Взял молоток, подумал, убрал молоток обратно. Потому что забивать ту же доску во второй раз – это уже не тактика, это упрямство. А упрямство и упорство – разные вещи, это я усвоил еще на первом курсе.

Нужно было другое решение.

Сел на лавку у крыльца, без молотка, без плана и устава. Утро было тихим, настоящим деревенским утром, каких я не видел лет двадцать: туман над прудом, трава еще в росе, откуда-то пахло дымом и чем-то печеным. Над забором торчали верхушки яблонь с соседского участка.

Интересно, она встает раньше меня или позже? Я поймал эту мысль. Рассмотрел. Выбросил.

Гуси появились минут через сорок из дыры в заборе, строем, с видом делегации, успешно завершившей международный визит. Шли важно. Главный, тот, что шел впереди, покосился на меня одним глазом, я покосился в ответ. Мы помолчали, как два командира, которые уважают противника, но сдаваться не намерены.

Гусь первый отвел взгляд. Небольшая, но победа.

– Здравствуй, сосед!

Голос прилетел от калитки, не звонкий, как у Раисы Захаровны, а такой... скрипучий и бодрый одновременно, как несмазанная петля, которой все равно нравится открываться.

У калитки стояла старушка. Некрупная, в платке с мелкими незабудками, с авоськой, в которой лежало что-то зеленое. Глаза маленькие, живые, с таким прицельным прищуром, что я непроизвольно проверил, застегнута ли рубашка.

Застегнута. Уже хорошо.

– Здравствуй, – ответил, вставая. Воспитание – оно и в деревне воспитание.

– Клавдия Петровна, можно просто баба Клава, – представилась она, входя на участок с такой уверенностью, будто ее приглашали. – Живу вон там, через два дома. Вы, значит, Чугуновский дом купили?

- Купил.
- На лето или насовсем?
- Пока не решил.
- Один?
- Один.
- Из Москвы?
- Из Пскова.
- А, – сказала она, как будто это что-то объясняло. – Военный, говорят?
- Говорят правильно.
- Генерал?
- Генерал.

Баба Клава кивнула, оглядела участок с видом инспектора, прибывшего с проверкой. Посмотрела на дыру в заборе, на пруд. На гусей, которые уже добрались до соседского двора и скрылись за летней кухней.

- С Раечкой познакомились?
- Познакомился.
- Ну и как?

Я посмотрел на старушку, она смотрела на меня. Точь-в-точь как Раиса Захаровна – без малейшего намерения отводить взгляд. Что-то подсказывало мне, что это не случайное совпадение, что старушка не просто так зашла. Это разведка.

- Клавдия Петровна, – сказал ровно, – вы по делу или просто познакомиться?
- Она широко, без смущения улыбнулась.
- А разве это не одно и то же, сосед?

Я смотрел на нее. Она смотрела на меня. Где-то за забором степенно гоготали гуси. Деревня Комарово набирала обороты. Занятая здесь публика, только дисциплины им не хватает. С этим надо что-то делать. Ходят, вопросы задают, странно, очень все странно.

Глава 4 Рая

Доски я убрала в половине первого ночи.

Фонарик, стамеска, десять минут аккуратной работы – и маршрут восстановлен. Гуси, конечно, спали и ничего не видели, но утром разберутся. Они у меня сообразительные. Антон однажды сам открыл щеколду на калитке, просто смотрел, смотрел, а потом взял и открыл. С таким личным составом тактические задачи решаются быстро.

Вернулась в дом, вымыла руки и легла спать с чувством человека, восстановившего справедливость. Утром встала рано, сварила кофе и заняла позицию у окна. Ждать пришлось недолго.

Сосед генерал появился через пять минут, все в той же рубашке, с кружкой в руке и с таким лицом, каким встречают не рассвет, а оперативную сводку. Он сделал три шага от крыльца, остановился и посмотрел на забор.

На дыру в заборе, потом обернулся, посмотрел на пруд, гуси уже были там и занимались своими гусиными делами. Я прижала кружку к губам, чтобы не смеяться вслух.

Буров смотрел на гусей, гуси не смотрели на Бурова, им было некогда, у них был пруд и вся жизнь впереди. Он медленно отпил из кружки. Потом еще раз. Потом поднял взгляд на небо – как человек, который ищет там если не ответа, то хотя бы сочувствия.

Небо было безоблачным и сочувствовать явно не собиралось. Я отставила кофе и пошла во двор. Гуси вернулись обратно по своему обычному маршруту, встретили меня у крыльца, мокрые, довольные, пахнущие прудом и приключениями.

– Молодцы, – сказала я им вполне искренне.

– Раиса Захаровна.

Голос прилетел через забор. Он был ровный, сдержанный, с такой выдержкой, что было понятно: выдержка дается усилием. Я обернулась, Иван Миронович стоял у забора, руки за спиной, подбородок чуть приподнят, смотрит.

– Доброе утро, – сказала приветливо.

– Доброе. Вы ночью разобрали доски.

– С чего вы взяли?

– Потому что они сами не разбираются.

– Ветер был.

– Ветра не было.

– Я крепко сплю, может, и не заметила.

Он смотрел на меня. Я смотрела на него. Антон между делом прошел у меня за спиной с таким независимым видом, что мог бы в этот момент дать показания в суде, и его бы оправдали.

– Гражданочка, – сказал Буров.

– Рая, – поправила я. – Или Раиса. Или Раиса Захаровна. Выбор богатый.

– Раиса Захаровна. Ваши гуси ходят по чужой территории.

– Ваша территория у них на пути. Это не нарушение, это география.

– География не отменяет права собственности.

– А право собственности не отменяет здравый смысл, – я облокотилась на забор в той же точке, что и вчера. Удобная точка, хороший обзор. – Они ходили здесь до того, как вы купили этот дом. И до того, как Чугуновы его продали.

– Меня не было – не считается.

– Вас не было, а маршрут был. Гуси живут по традиции, не по кадастровому плану.

Он смотрел на меня с таким выражением, будто искал в моих словах уязвимое место, находил его, но оно оказывалось заминировано, и идти туда не рекомендовалось.

– Значит, будете и дальше разбирать доски по ночам?

– Я не признаю этого факта, – улыбнулась. – Но теоретически, пока вы будете их забивать, – да.

– Это называется порча чужого имущества.

– Это называется восстановление исторического маршрута.

– Раиса Захаровна.

– Иван Миронович.

Мы смотрели друг на друга. Где-то на пруду плескался последний из гусей, кажется, Гоша, он всегда задерживался, он у меня рассеянный. В воздухе пахло грозой, точно будет к обеду, и крепким, хорошим кофе, генеральским кофе.

Скрипнула калитка. Мы оба повернулись одновременно, и это само по себе было уже слишком похоже на что-то, что я не собиралась анализировать.

– Раечка! – баба Клава входила с авоськой, в которой на этот раз лежала одна луковица и пучок укропа. Оперативное прикрытие становилось все более символическим. – Ой, и сосед здесь. Здравствуйте, Иван Миронович. Доброго утрачка вам, как здоровье?

– Здравствуйте, Клавдия Петровна, – ответил сосед без энтузиазма.

Значит, уже познакомились. Быстро. Я мысленно поставила бабе Клаве пятерку за оперативность.

– Ты не занята, Раечка?

– Абсолютно свободна, – сказала я и пошла ставить кофе.

Буров что-то коротко сказал бабе Клаве, я не расслышала что, и ушел к себе. Я смотрела ему в спину, пока он не скрылся за углом сарая. Хорошая спина, широкая, прямая, как эта его любимая линейка и устав.

На кухне баба Клава устроилась на своем уже почти законном месте у окна и немедленно начала:

– Ты знаешь, я вчера с Никитичем говорила...

– Угу.

– Ну, тем Никитичем, который через дорогу. У него жена была двоюродная сестра тещи Чугуновского зятя, он много чего знает...

– Угу, – повторила, включая газ, поставила турку.

– Так вот, он говорит, что Иван Миронович-то в Пскове до этого служил. А до Пскова – вообще где только не был. И в горячих точках бывал, это точно, потому что у него...

– Шрам, – сказала я.

Пауза.

– Ты заметила?

– Я наблюдательная.

Баба Клава помолчала с видом человека, который получил больше информации, чем планировал выдать.

– И еще Никитич говорит, – продолжила она осторожнее, – что он пенсию получает. Военную. Приличную.

– Баб Клав, я не в том возрасте, когда выбирают по пенсии.

– А в каком возрасте выбирают?

– Ни в каком. Не выбирают.

– Раечка...

– Кофе будете?

Баба Клава приняла кофе и временно замолчала. Я встала у окна. Иван Миронович появился из сарая и нес что-то. Что-то длинное, серо-стальное, смотанное в рулон.

Я прищурилась.

– Баб Клав, – позвала я тихо, – идите сюда.

Она подошла, мы стояли плечом к плечу у окна, как два штабных офицера перед картой. Буров размотал рулон вдоль секции забора с брешью, натянул, закрепил с одного конца, потом с другого.

Колючая проволока? Серьезно?

– Батюшки, – прошептала баба Клава.

– Вот именно.

Мы смотрели, как он методично, с видом человека, выполняющего боевую задачу, крепит второй ряд. Я допила кофе, поставила чашку, взяла с крючка кофту, утро все-таки, свежо, и вышла во двор.

– Товарищ генерал, – позвала через забор.

Он обернулся, в руках моток проволоки и плоскогубцы.

– Вы к боевым действиям готовитесь?

Он посмотрел на проволоку, потом на меня, помолчал секунду, ту самую секунду, в которую у серьезных людей рождаются ответы, о которых они потом жалеют.

– Укрепляю периметр, – сказал наконец.

– Это я вижу, – облокотилась на незаколоченную пока часть забора. – А окопы будете рыть до или после обеда?

– Зависит от обстановки.

– А мирные переговоры в вашем плане предусмотрены?

Мы смотрели друг на друга. За моей спиной на крыльцо вышла баба Клава с чашкой кофе – послушать, судя по всему, потому что свой кофе она допила еще на кухне.

– Переговоры, – сказал Буров медленно, – предполагают готовность сторон к компромиссу.

– Я готова к компромиссу.

– Вы ночью разобрали мой забор.

– Ваш забор мешал моим гусям.

– Ваши гуси мешают моему покою.

Мы помолчали.

– Слушайте, – сказала я, – а вы вообще умеете отдыхать?

Он, кажется, не ожидал этого вопроса. Что-то в лице сдвинулось, совсем чуть-чуть, на миллиметр, но я заметила.

– Умею.

– Уверены?

– Раиса Захаровна...

– Потому что человек, который в первые три дня на пенсии ставит колючую проволоку, это не отдыхающий. Это командир без армии.

Тишина. Буров посмотрел на проволоку в руках. Потом на меня. В глазах что-то быстро мелькнуло, как тень от облака, и снова стало ровно.

– Армия у меня есть, – сказал негромко. – Просто она пока не определилась, на чьей стороне воет.

Я не сразу нашлась с ответом. А когда нашлась, он уже вернулся к проволоке.

Глава 5 Буров

В магазин пошел в среду. Не потому, что хотел, я хотел тишины и чтобы никто больше не трогал мой забор. Но холодильник был пуст, привез я с собой мало, лишь банку тушенки, кофе, который уже заканчивался, надо было его экономить и купить дешевле. Колбаса, бекон и десяток яиц были съедены за три дня.

Игнорировать пустотой холодильник дальше было бы уже не проявлением дисциплины, а глупостью. А глупостей я себе не позволял.

Вышел в девять, утро было хорошее, тихое, деревня жила своей неспешной жизнью: где-то мычала корова, лаяла собака и плакал ребенок. Баба Клава обнаружилась у колодца. С пустым ведром и полным ртом информации.

– Иван Миронович! – обрадовалась она так, будто не виделись неделю, хотя со вчерашнего утра прошло меньше суток. – Куда это вы?

– В магазин.

– Ой, а я как раз собиралась. Знаете, я тут Никитичу говорила, ну тому, что через дорогу, у него жена двоюродной племянницей была...

– Клавдия Петровна, короче.

– Да-да, так вот, он говорит, что у вас в Пскове служба была еще та...

Остановился, потому что понял: если сейчас не остановиться и не показать, что я готов слушать, она будет идти рядом до самого магазина, и это будет самое длинное расстояние в моей жизни.

– Слушаю, – сказал.

Баба Клава расцвела.

– Никитич говорит, что вы бывали в горячих точках. Это правда?

– Бывал.

– И вот этот шрам, – она кивнула на мою ключицу с видом доктора, уточняющего диагноз, – оттуда?

– Оттуда.

– Вот, – удовлетворенно сказала она, как будто сама это выяснила. – Я так и говорила Раечке. А она говорит: «Я наблюдательная, я уже заметила».

Я посмотрел на нее.

– Заметила шрам? Раечка?

– Ну да, – баба Клава пожала плечами с таким видом, будто это было совершенно естественно. – Я же говорю, она наблюдательная.

Именно в этот момент со стороны соседнего участка донесся легкий скрип, и по деревенской улице мимо нас проехала Раиса Захаровна. Это было занятное зрелище.

Она сидела на старом велосипеде с широкими колесами и большой плетеной корзиной спереди, в которой лежала пустая сумка. Сарафан сегодня на ней был синий в белый горошек, развевался на ветру. Черные волосы блестели на солнце, а сама Раиса Захаровна улыбалась ему.

Она нас заметила, притормозила ровно настолько, чтобы кивнуть.

– Доброе утро, Клавдия Петровна, – взгляд на меня. – Доброе утро пенсионерам.

– Доброе утро, гражданочка, – ответил я.

И она уехала, не оглянувшись. Просто ровно и уверенно крутила педали, как человек, у которого есть цель и нет сомнений. Баба Клава смотрела ей вслед. Потом перевела взгляд на меня.

– Вы это специально? – спросила она. – Гражданочка?

– Нет, – ответил. – Это устоявшаяся форма обращения.

Баба Клава секунду помолчала. Потом кивнула с видом человека, получившего неожиданно важную информацию.

– Значит, уже форма, – негромко сказала она, явно обращаясь сама к себе.

– Всего доброго, – я пошел в магазин.

Магазин в Комарово был один. Назывался «Продукты», честно, без претензий. Внутри оказалось, что название было скромным: за прилавком и на полках умещалось все от муки и консервов до резиновых сапог, мотков веревки, рыболовных крючков и стопки эмалированных тазов у левой стены. Пахло хлебом, хозяйственным мылом и советской основательностью.

За прилавком стояла дородная женщина неопределенного возраста, с высокой прической цвета красной меди и взглядом человека, который все повидал и давно перестал удивляться. На бейджике было написано «Валентина». Без отчества. Некоторым оно и не нужно.

Раиса Захаровна уже была здесь. Стояла у полки с крупами и что-то изучала с видом эксперта, я взял корзину.

– Гречка нормальная? – спросил я у Валентины.

– Свежая, вчера собрали, – ответила та, думаю, это была шутка.

– Нормальная, – сказала Раиса Захаровна, не оборачиваясь. – В отличие от прошлого завоза.

– Вас не спрашивали, – сказал я.

– Вы спросили в пустоту. Пространство ответило.

Валентина смотрела на нас с таким видом, словно мы были телевизором, который она поставила, и теперь у нее были хорошие планы на утро. Я прошел к полке с кофе, взял банку, что побольше, прочитал состав.

– Не советую, – сказала Раиса Захаровна уже от холодильника. – Берите в жестяной банке, справа.

– Откуда вы знаете, что я смотрю?

– Потому что вы остановились у той полки секунд двадцать назад и с тех пор молчите. Вы всегда молчите, когда сомневаетесь?

– Вы меня не знаете.

– Иногда два дня достаточно.

Я взял банку справа, потому что она была лучше, а не потому, что мне сказали.

– Мне нужна проволока. У вас есть?

Валентина, не меняя выражения лица, указала на дальний угол у окна. Там висели разные мотки, в том числе стальная проволока нескольких калибров.

– Зачем вам проволока? – спросила Раиса Захаровна, подходя к кассе со своей корзиной. – Еще одни баррикады? Выройте уже окоп.

– Предыдущий был перерезан, – сказал я. – Ночью. Как раз в том месте, где в заборе брешь.

Тишина, Валентина переводила взгляд с меня на Раису.

– Кто-то перерезал проволоку, – ровным голосом сказал я. – Аккуратно и профессионально. Не знаете, кто это мог быть?

– Бывает, – совершенно невозмутимо сказала Раиса Захаровна. – Проволока – она хрупкая.

– Колючая проволока не хрупкая.

– Быстро ржавеет.

– Я поставил ее вчера.

– У нас влажный климат.

Я смотрел на нее, она смотрела на меня. Валентина за прилавком беззвучно положила локти на стекло и чуть наклонилась вперед, ожидая развязки.

– Раиса Захаровна, – сказал я тем тоном, которым когда-то заставлял замолчать участников совещаний, – вы перерезали мою проволоку.

– Боже упаси, Иван Миронович, – ответила она тем же тоном, – докажите.

– У вас в сарае найдутся бокорезы?

– Бокорезы найдутся у половины деревни. Это деревня, а не театр.

– Проволока была натянута ровно там, где ваши гуси ходят на пруд.

– Совпадение.

– Это уже второй раз.

– Что – второй раз?

– Второй раз вы разрушаете мои заградительные сооружения.

– «Заградительные сооружения», – повторила она с таким выражением, будто попробовала эти слова на вкус и сочла их чрезмерными. – Иван Миронович, это деревенский забор, а не государственная граница.

– Для ваших гусей – достаточно.

– Для моих гусей ваш забор – недоразумение, а не препятствие. Они ходили к этому пруду еще до того, как вы узнали о существовании этой деревни.

– Теперь я знаю. И я против.

– Зафиксировано, – сказала она. – Гуси приняли к сведению и продолжают движение.

Валентина у кассы издала короткий звук. Возможно, это был кашель.

– Я куплю новую проволоку.

– Ваше право.

– И натянущу ее заново.

– Удачи.

– Раиса Захаровна.

– Иван Миронович.

Мы смотрели друг на друга через прилавок. Валентина пробивала чек с видом человека, который выполняет свой служебный долг, но в целом не прочь послушать еще что-нибудь.

Я расплатился, взял сумку и моток новой проволоки.

– Гречку перед варкой замочите, – сказала мне в спину Раиса Захаровна. – На час. Лучше разварится.

Я остановился в дверях.

– Проволоку не трогай, – сказал, не оборачиваясь.

– Не обещаю, – ответила она.

Я вышел. На улице остановился, поставил сумку на землю и посмотрел на небо. Небо было синим, безоблачным и не имело никакого отношения к происходящему.

За спиной скрипнула дверь, Раиса Захаровна вышла, подошла к велосипеду, он стоял у стены магазина как ни в чем не бывало, положила сумку в плетеную корзину, привычно перекинула ногу через раму, оттолкнулась.

Сарафан тут же подхватил ветер, волосы красиво разлетелись в стороны. Она не придерживала их, не оглядывалась, не тормозила, просто ехала, прямо и уверенно, слегка наклонившись вперед.

На повороте притормозила. Обернулась.

– И не забудьте про молоко, – крикнула она. – В вашем списке было молоко. Вы его не взяли. Но лучше брать местное, оно вкуснее, уж поверьте.

И уехала. Я посмотрел на сумку. Потом на список, да, точно, у меня был список, и она его успела прочесть. Молоко. Второй пункт сверху. Вернулся в магазин. Валентина встретила меня абсолютно невозмутимым взглядом.

– Молоко.

– Я знаю, – ответила она и потянулась к холодильнику.

Я взял молоко, вышел из магазина и пошел домой. С сумкой, мотком новой проволоки и с совершенно четкой мыслью, которую я старался не додумывать до конца: эта женщина знала, что у меня в списке. А значит, она либо видела его в магазине, либо заранее знала, зачем я туда иду.

Шел и думал о том, что игнорировать эту женщину не получится. Не потому, что она красивая, хотя это, к сожалению, факт, занесенный в ту часть памяти, которая работает без моего разрешения и не подчиняется приказам.

Глава 6 Рая

Домой вернулась в хорошем настроении. Это меня насторожило.

Хорошее настроение после разговора с Буровым было необъяснимо с точки зрения логики. Человек покупает колючую проволоку для моих гусей, смотрит на меня как на нарушительницу государственной границы и называет «гражданочкой», а я еду домой и улыбаюсь ветру.

Что-то здесь было не так. Либо со мной, либо с логикой. Скорее всего, со мной. Поставила велосипед, отнесла сумку на летнюю кухню и пошла к загону.

Гуси встретили меня в полном составе, шесть пар глаз смотрели с таким достоинством, будто они тут ни при чем, насыпала им зерна.

– Значит, так, – сказала я Антону, который, как обычно, подошел первым. – Нам с вами нужно серьезно поговорить.

Антон ел.

– Сосед купил новую проволоку. Я понимаю, что пруд – это святое. Я и сама так считаю. Но, может, вам пока стоит посидеть дома? Хотя бы недельку? Ему скоро наскучит деревенская жизнь, и он свалит, наверное.

Антон посмотрел на меня. Потом на своих братьев и снова на зерно.

– Я так и поняла, – сказала я. – Договорились.

Вернулась в дом, поставила кофе и встала у окна, это теперь оказалось моим любимым местом. Сосед генерал меня раздражал. Вот и все.

Раздражал – и именно в этом была проблема, потому что раздражают нас только те люди, на которых мы тратим свои мысли. А на Бурова я уже потратила свои мысли – и ночью, когда перекусывала проволоку в темноте с фонариком в зубах, и утром, и вот сейчас.

Я знаю таких мужчин. Я была замужем за одним из них четырнадцать лет.

Сережа был не военным, а архитектором, что в каком-то смысле даже хуже. Архитекторы убеждены, что если что-то спроектировано правильно, то так и должно быть, и никак иначе. Сережа проектировал все подряд: дома, маршруты, выходные, меня.

У него был план на каждый день, список дел на каждую неделю и концепция на пять лет вперед, в которой я занимала отведенное мне место с четкими функциями: жена, хозяйка, украшение интерьера.

Живая женщина в этот проект не вписывалась. Живая женщина могла засмеяться не вовремя, купить не то, что было в списке, завести гусей вместо газона и вообще иметь свое мнение по вопросам, по которым мнения не требовалось.

Много лет я пыталась вписаться – ради дочери, семьи, норм приличия. Потом поняла, что не хочу. С тех пор прошло шесть лет. У меня есть этот дом в Комарово, гуси, огурцы и смородина, еще удаленная работа бухгалтером. И кофе по утрам без чьего-либо плана на день. А Буров с его уставом, периметром и списками – это просто Сережа в тельняшке. Только со шрамом и без диплома архитектора.

Кофе сварился, налила, отпила.

Нет. Не совсем так. Сережа никогда не смотрел на меня так, как смотрит Буров. Сережа смотрел сквозь меня, как смотрят на стену, которую уже спроектировали и больше не обсуждают. А этот – смотрит. Прямо, тяжело, и явно злится на себя за то, что смотрит.

Это другое. Но все равно раздражает. Зазвонил телефон, Вероника, я ответила после второго гудка.

– Мам, привет! Ты живая?

– Живая. И немного злая.

– О. Что случилось?

– Сосед.

Пауза.

– Какой сосед? Ты же говорила, что Чугуновский дом пустой стоит?

– Стоял. Теперь там живет генерал в отставке с молотком, колючей проволокой и претензиями к моим гусям. Антон от него в шоке, он так и сказал мне.

Вероника засмеялась, у моей дочери был хороший смех, легкий, быстрый, совсем не мой, мой смех шумный и долгий. Это от отца, от Сережи, единственное хорошее, что он оставил.

– погоди. Генерал? Ого-го!

– Генерал. Иван Миронович Буров. Называет меня гражданочкой. Я его – пенсионером. Мы уже третий день воюем из-за того, что мои гуси ходят на пруд через его участок.

– Мама, – Вероника помолчала, – ты перерезала его проволоку?

– Ника.

– Ты перерезала, я знаю тебя.

– Проволока мешала Антону.

– Антон – это гусь.

– Антон – это личность. И у него есть маршрут, и у его братьев.

Вероника снова засмеялась, на этот раз дольше.

– И как он? Страшный? Старый?

– Кто, Антон?

– Мама. Генерал.

Автоматически посмотрела в окно и немедленно разозлилась на себя за это.

– Совсем нет, – сказала. – Жесткий, прямолинейный, смотрит как на рапорт. Скучный, в общем.

– Высокий?

– Ника.

– Ну мам.

– Высокий, – сказала, потому что врать дочери было как-то неловко. – Со шрамом. Волосы темные с сединой. В старой форменной рубашке цвета хаки. Короче, солдафон до мозга костей. Довольна?

– Очень, – сказала Вероника. Голос у нее стал таким, какой бывает у людей, которые уже сделали вывод, но просто вежливо о нем умалчивают. – Слушай, а ты меня в гости не позовешь?

– Приезжай! – я обрадовалась больше, чем рассчитывала. – Смородина уже созрела, будем варить варенье. И вообще – я соскучилась.

– Я тоже соскучилась. Постараюсь вырваться, мам. Обещать не буду, но очень хочу.

– Приезжай, Никуша. Здесь хорошо, тихо.

– Тихо? – в ее голосе явно слышалась ирония. – С генералом за забором?

– Относительно тихо, – поправила я. – По деревенским меркам.

Мы еще немного поговорили о ее работе, о городе, о том, что лето пролетает быстро. Потом попрощались, и я убрала телефон. Посидела минуту с пустой чашкой.

Потом встала, потому что нужно было заварить что-нибудь успокаивающее. Мята с мелиссой, у меня с прошлого года был запас, пучок висел в сених. Я заварила, налила в большую кружку, взяла ее обеими руками и вернулась к окну.

Замерла.

Буров был на участке. В этом не было бы ничего примечательного, он всегда на участке, он там живет. Но сейчас он не чинил забор, не сидел на лавке и не смотрел на пруд с видом стратега.

Он мерил участок шагами. Методично, от угла к углу, что-то считал, губы едва шевелились, потом останавливался, делал пометки в блокноте. Снова шел, снова считал. Рядом у забора стояла лопата.

Я медленно отпила мятный чай.

Лопата – это уже не проволока. Лопата – это серьезно. Лопата означала, что он собирается выкопать, закопать, перекопать или обозначить. Вариантов было несколько, и ни один из них мне не понравился.

Устроилась на подоконнике поудобнее.

Буров закончил измерения, сверился с блокнотом, кивнул, видимо, самому себе и, взяв лопату, воткнул ее в землю ровно в метре от нашего забора. Потом отошел, посмотрел, чуть сдвинул. Снова посмотрел, удовлетворенно кивнул.

Он точно что-то задумал.

Отпила еще мятного чая, но мята не успокаивала. Мята знала, что успокаиваться тут не от чего. За забором Буров взял лопату и начал копать. Ровно, мощно, без лишних движений, как и все, что он делал. Одна лопата земли. Вторая. Третья.

– Антон, – прошептала я в сторону загона, – он копает.

Антон промолчал. Антон был занят. Я смотрела в окно, держала в руках кружку и думала, что жизнь в деревне, которую я выбрала шесть лет назад именно за ее предсказуемость, за последние три дня стала катастрофически непредсказуема.

С соседом надо было что-то делать.

Глава 7 Буров

Вырыл яму под пруд.

Собственный. Небольшой. Три на четыре метра, глубиной около метра – по всем расчетам этого достаточно, чтобы разместить декоративных карпов, кувшинки и не пускать чужих гусей. Идея пришла ночью, как и все хорошие идеи, в тот момент, когда лежишь и смотришь в потолок вместо того, чтобы спать.

Логика была безупречной. Раз гуси ходят к пруду через мой участок, я дам им пруд на своем участке, собственный. С другой стороны. Пусть ходят туда, маршрут изменится, моя территория останется нетронутой, все при своих интересах.

Это был не компромисс. Это была военная хитрость.

Перечитал записи в блокноте, скорректировал глубину, наметил периметр и приступил к работе. Копал методично: воткнул штык в землю, повернул, бросил. Земля была хорошая, влажная, без крупных камней. Работа была простая и правильная, из тех, что не требуют думать о постороннем.

Не думал ни о чем постороннем. Я не думал о том, что сказала Раиса Захаровна в магазине. И о том, как она уезжала не оглядываясь, и сарафан летел за ней. Я об этом вообще не думал. Штык в землю. Поворот. Бросок.

– Иван Миронович!

Голос донесся от калитки. Баба Клава. Я узнал ее по особому сочетанию звонкости и праздного любопытства, которое ни с чем не спутаешь.

– Здоровались уже, Клавдия Петровна, – сказал, не останавливаясь.

Она вошла на участок, подошла ближе, встала. Посмотрела на яму, я уже углубился примерно на полметра. Потом на меня, потом снова посмотрела на яму. Помолчала.

– Иван Миронович, – осторожно спросила она, – а это вы... для чего?

– Копаю.

– Вижу, что копаете. А... зачем?

– По необходимости.

Она снова замолчала, я бросил еще одну лопату земли. Яма уже была приличная – метр в длину, хороший прямоугольник, ровные стенки. Я всегда копал аккуратно, это привычка.

– Иван Миронович, – еще осторожнее произнесла баба Клава, и в ее голосе появилась какая-то новая нотка, – она... большая будет?

– Три на четыре.

Тишина.

– Глубокая?

– Около метра.

Молчание стало напряженным, я поднял глаза. Баба Клава смотрела на яму, потом на меня, потом снова на яму, и на ее лице отражалась какая-то сложная гамма чувств.

– А вы... хорошо себя чувствуете? – спросила наконец. – Голова не болит? Давление не скачет?

– В порядке.

– Просто... – она перекрестилась. Быстро, почти незаметно, но я заметил. – Просто сегодня жарко. Голова может закружиться с непривычки.

–

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.